

Гаврила Романович Державин (1743-1816)

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

ОДА ЕКАТЕРИНЕ II

Вдохни, о истина святая!
Свои мне силы с высоты;
Мне, глас мой к пенью напрягая,
Споборницей да будешь ты!
5 Тебе вослед идти я тщуся,
Тобой одною украшуся.
Я слабость духа признаваю,
Чтоб лирным тоном мне греметь;
Я Муз с Парнасса не сзываю,
10 С тобой одной хочу я петь.

Велико дело и чудесно
В подоблачной стране звучать
И в честь владетелям нелестно
Гремящу лиру настраять;
15 Но если пышные пареньи
Одним искусством, в восхищеньи,
Сердца, без истины, пленяют;
То в веки будущих премен
В подобны басни их вменяют,
20 Что пел Гомер своих времен.

На что ж на горы горы ставить
И вверх ступать как исполин?
Я солнцу свет могу ль прибавить,
Умножу ли хоть луч один?
25 Твои, монархиня, доброты,
Любовь, суд, милость и щедроты

Без украшений сияют!
Поди ты прочь, витийский гром!
А я, что Россы ощущают,
30 Лишь то моим пою стихом.

Возвед своих я мыслей взоры
Над верх полночных страны,
Какие, слышу, разговоры
По селам, градам ведены
35 Тебе, о мать Екатерина,
Плетется там похвал пучина;
Усердны чувства то вспалает
И движет к оному язык!
О коль, — толпа людей вещает, —
40 В владевшей нами Бог велик!

Он дал нам то в императрице,
Чем Петр премудр в законах слыл;
Что купно видел свет в девице,
Как век ея незлобив был:
45 Шумящей славе не внимает,
Что вместе с плачем прилетает;
Но чем народна тихость боле,
Свой тем единым красит трон,
Во всем Творца согласна воле;
50 Та зрит на пышность, как на сон.

Она подобна той пернатой,
Что кровь свою из персей льет,
Да тем, своих хоть дней с утратой,
Птенцам довольство подает.
55 Покой трудами нарушает,
Страны далеки обтекает,
Для пользы нашей потом льется?

Не для себя свой век живет:
Да обще счастье вознесется,
60 Да всяк блаженны дни ведет.

Пред мысленными очесами
Предходит новый мне предмет;
Народ сокрылся с похвалами,
Ни сел, ни градов боле нет.
65 Я духом в храмах освященных,
Темисой^[4] всем установленных,
Какой тут слышу слух веселый!
Не злобой пишут винным рок!
Ликуйте, росские пределы:
70 На вас кровей не льется ток!

Стрелец, оружием снабженный,
На сыне видя лютых змей,
Любовью отчей побужденный
Спасти его напасти сей,
75 Поспешно лук свой напрягает,
На сына стрелы обращает;
Но чтоб кровям его не литься
И жизнь безбедно сохранить,
Искусно метит он и тщится
80 На нем лишь змей одних убить.

Таков твой суд есть милосердый,
Ты так к нам сердобольна, мать!
Велишь, — но были б мы безвредны, —
Пороки в нас ты истреблять.
85 Для правды удовлетворенья,
Для вящшей злости пресеченья,
Грозишь закона нам стрелою;
Но жизнь преступших ты блюдешь.

Нас матерней казнишь рукою —

90И крови нашей ты не льешь.

Твою к нам милость, мать народа,

Мне всю удобно ль исчислять?

Произвела тебя природа,

Чтоб всю вселенну удивлять!

95Чем дале век твой протекает,

Тем боле смертных ущедряет.

Младенцам жизни ты спасаешь,

Законы старым пишешь ты,

Науки в юных расширяешь,

100Селишь обширны пустоты.

О, коль пространно всюду поле

Твоих, богиня, хвальных дел !

Вникаю тем, чем зрю их боле.

Не может мысль вместить в предел!

105Так мне уж можно ли стремиться

И петь тебя достойно льститься,

Коль Муз собор, Россиян клики

Немолчно тщатся тя гласить;

Но все твои дела велики

110И те не могут похвалить!

Тобой сколь род наш препрославлен

И сколь тобой блажен наш век,

Таков тебе алтарь поставлен

В сердцах российских человек,

115Премудра наших дней богиня!

Тишайша мать, героиня!

Ущедрь Господь твои так леты,

Как ты безмерно щедришь нас;

Исполнь всегда твои советы,

120Вонми мольбы смиренный глас!

Сие к тебе подданных чувство,
Покой душам! любовь сердец!
На что ж мне петь тогда искусство,
Коль всяк тебе внутри певец?

125Усердных только всех желаний,
Не ложных, искренних плесканий
Тебе свидетель сим нельстивный.
Они восходят до небес
И с славой вдруг твоей предивной
130Гремят хвалу твоих чудес.

1767

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Хоть вся теперь природа дремлет,
Одна моя любовь не спит;
Твои движенья, вздохи внемлет
4 И только на тебя глядит.

Приметь мои ты разговоры,
Помысль о мне наедине;
Брось на меня приятны взоры,
8 И нежностью ответствуй мне.

Единым отвечай воззреньем
И мысль свою мне сообщи:
Что с тем сравнится восхищеньем,
12 Как две сольются в нас души?

Представь в уме сие блаженство
И ускоряй его вкусить

Любовь лишь с божеством равенство
16 Нам может в жизни сей дарить.

<1770>

ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
4И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
8И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
12Покой мне нужен — дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утреннует дух Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
16Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб чёрная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
20И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,

Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
24Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как выют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
28На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьёв,
32Рев крав, гром жолн и коней ржанье.

На кровле ж зазвонит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской,
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
36О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам златых блистают лица
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
40И для прикрас моей светлицы,

В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах иль журналах
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
44Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны, образцы салфеток, скатертей,
48Ковров и кружев, и вязани.

Где с скотен, пчельников и с птичников, прудов
То в масле, то в сотах зрю золото под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
52Сребро, трепещуще лещами.

В которой, обзрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Проя на пищу им: тем с поливкой калач,
56А тем лекарствица, в подспорье.

Где также иногда по палкам, по костям
Усатый староста иль скопидом брюхатый
Дают отчёт казне, и хлебу, и вещам,
60С улыбкой часто плутоватой.

И где, случается, художники млада
Работы кажут их на древе, на холстине,
И получают в дар подачи за труды,
64А в час и денег по полтине.

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда, в игры зело горячи,
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
68По грошу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я муз,
И с Флакком,^[9] Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим, иль к небу возношусь,
72Иль славлю сельску жизнь на лире.

Иль в зеркало времён, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
76К себе и драки человеков.

Всё суета сует! я, вздыхая, мню,
Но, бросив взор на блеск светила полудневна,
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бремению?

80Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах его
Единого во всём вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,

84И строится моя им доля.

Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Сбираются ко мне не для какой науки,
А взять по несколько баранок, кренделей,

88Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать, — хоть мыслей нет больших,

92Блестят и жучки в епанечках.

Бьёт полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идёт за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд

96Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелёны щи с желтком,
Румяно-жёлт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером

100Там щука пёстрая: прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опратно всё и представляет Русь:

104 Припас домашний, свежий, здоровый.

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца, воронка и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, —
108 Беседа за сладьми шутлива.

Но молча вдруг встаём: бьёт, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен;
За здравье с громом пьём любезного царя,
112 Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
116 И тещусь разными играми.

Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев,
120 С душевным неким восхищеньем.

Иль в стёкла оптики картинные места
Смотрю моих усадьб; на свитках грады, царства,
Моря, леса, — лежит вся мира красота
124 В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре люблюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя,
128 Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льёт
И, движа машину, древа на доски делит;

Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьёт
132Клокоча огонь, толчёт и мелет.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колёс, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретён
136Марииной рукой прядутся.

Иль как на лён, на шёлк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царицы;
Сталь жёсткая, глядим, как мягкий, алый воск,
140Куётся в бердыши милицы.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя мы, — говорят, — погрём,
144Чем у французов быть в подданстве».

Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
148То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зелёных, чёрных волн,
Как дёрн бугрит соха, злак трав падёт косами,
Серпами злато нив, — и, ароматов полн,
152Порхает ветер меж нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под чёрной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам жёлто-зелёным,
И сходит солнышко на нижнюю степен
156К холмам и рощам сине-тёмным.

Иль, утомясь, идём скирдов, дубов под сень;

На бреге Волхова разводим огонь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
160И пьём под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетями как рыбаки,
Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги стуком;
Как парусы суда и лямкой бурлаки
164Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие брега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
168Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
172Когда мы едем из похода.

Стёкл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору жёлтый восход меж роз осиявая,
Где встречу водомёт шумит лучей дождём,
176Звучит музыка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жён вино и пиво пьёт,
180Поёт и пляшет под гудками.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутри дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детям
184Блистать: музыкой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит плетень, иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьёт,
188А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь тихогрома с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, — и в естестве согласия во всём
192Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
196Склонясь, ношусь в мечтах умильных;

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтанья:
Проходят годы, дни, рёв морь и бурей шум,
200И всех зефиров повеванья.

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? Сокрылось солнце, — тень!..
204Кто весть и впредь полёт орлиный?

Вид лета красного нам Александров век:
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
208Но мечет днесь и он перуны.

Умолкнут ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим, как строй какой ведёт,
212Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полёт всех мечт
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет
[216](#)И днешних и грядущих веков.

Грудь россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-лау;
Младых вождей расцвёл победами там взор
[220](#)И скрыл орла седого славу.

Так самых светлых звезд блеск меркнет от ночей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спяхнёт моих костей
[224](#)Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не вспомнянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дулл огнезелёный взгляд
[228](#)И разве дым сверкнёт с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдёшь на холм тот страшный.
Который тощих недр и сводов внутрь своих
[232](#)Вождя, волхва гроб кроет мрачный,

От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и збруи медной гулы
Так слышны под землёй, как грохотом глухим,
[236](#)В лесах трясась, звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец! святым своим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вокруг моей могилы змей гнездом

240Прогонишь — бледну зависть — в бездны.

Не зря на колесо весёлых, мрачных дней,
На возвышение, на понижение счастья,
Единой правдою меня в умах людей

244Чрез Клии воскресишь согласи.

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзвывы
От лиры моя шумящею рекой

248Неслись чрез холмы, доли, нивы.

Ты слышал их, и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ севера столицы,
Шепнёшь в слух страннику, в дали как тихий гром:

252«Здесь Бога жил певец, — Фелицы».

Май — июль 1807

НА ПОКОРЕНИЕ ПАРИЖА

Сердце пленяюща лира!
Гений восторга! взносись
И, обтекая вокруг мира,
4 Светлый твой голос возвысь.
Пой того крепость, мощь львину
Агнца, — кто кротость явил,
И другую половину
8 Света — Париж покорил!

Милостью больше, чем гневом,

В славе блестящ там, как Бог,
Препровожденный вшел небом
12 В древний Бурбонов чертог;
Дух к ним народа любовью
Возжегши, их воскресил;
Бедства московски не кровью,
16 Благом злодеям отмстил.

Здрав, Александр,
Царь будь царей,
Что без наград
20 Твердой твоей
Сверг злость ты душой,
Доблесть вознес,
Прямо герой!
24 Славься сим днесь!

Слава тебе днесь какая
В мире обширном звучит,
Счастьем что, сладостьми рая
28 Вкруг доблесть дух твой поит:
Взглянешь на грады, — спасенны;
Храмы ль зришь, — жертвы курят;
Дети ль отцам возвращенны, —
32 Все их спасителя чтят.

Сколько ж отрадно, приятно
Быть Россиянином днесь,
Что ты нас так благодатно
36 Славой и честью вознес!
Вся нас теперя вселенна
Своей уж защитой чтет;

Европа уз свободенна
40 Хвальными песньми поет.

Здрав, Александр,
Царь будь царей,
Что без наград
44 Твердой твоей
Сверг злость ты душой,
Доблесть вознес,
Прямо герой!
48 Славься сим днесь!

Сладкие слезы восторга
С радостных льются очес:
Ангела ль кротка, иль бога,
52 Сына ль, любимца ль небес
Зрим в тебе, иль исполина,
Маньем смирил что руки
Мир весь? — Петр, Екатерина,
56 Столько ль, как ты, велики?

Мудростью, правдой, геройством
Чудный стяжал ты венец.
С богоподобным к нам свойством
60 Царь возвратись и отец!
К матери нежной скорее
В славе победных лучей;
Солнце весной как светлее,
64 Дай жизнь России так всей.

Здрав, Александр,

Царь будь царей,
Что без наград
68 Твердой твоей
Сверг злость ты душой,
Доблесть вознес,
Прямо герой!
72 Славься сим днесь!

17 апреля 1814

Василий Андреевич Жуковский (1783-1852)

МАЙСКОЕ УТРО

Бело-румяна
Всходит заря
И разгоняет
Блеском своим
Мрачную тьму
Черныя ночи.

Феб златозарный,
Лик свой явивши,
Все оживил.
Вся уж природа

Светом оделась
И процвела.

Сон встрепенулся
И отлетает
В царство свое.
Грезы, мечтанья,
Рой как пчелиный,
Мчатся за ним.

Смертны, вспряните!
С благоговеньем,
С чистой душой,
Пад пред всевышним,
Пламень сердечный
Мы излием.

Радужны крылья
Распростирая,

3

Бабочка пестра
Вьется, кружится
И лобызает
Нежно цветки.

Трудолюбива
Пчелка золотая
Мчится, жужжит.
Все, что бесплодно,
То оставляет —
К розе спешит.

Горлица нежна
Лес наполняет

Стоном своим.
Ах! знать, любезна,
Сердцу драгова,
С ней уже нет!

Верна подружка!
Для чего тщетно
В грусти, тоске
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?

Можно ль о благе
Плакать другого?..
Он ведь заснул
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрелка.

Жизнь, друг мой, бездна
Слез и страданий...
Счастлив стократ
Тот, кто, достигнув
Мирного берега,
Вечным спит сном.

Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837)

ОСЕНЬ

(ОТРЫВОК)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?

Державин.

I.

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает

Последние листы с нагих своих ветвей;

Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.

Журча еще бежит за мельницу ручей,

Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает

В отъезжие поля с охотою своей,

И страждут озими от бешеной забавы,

И будит лай собак уснувшие дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;

Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;

Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.

Суровою зимой я более доволен,

Люблю ее снега; в присутствии луны

Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,

Когда под соболем, согрета и свежа,

Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III.

Как весело, обув железом острым ноги,

Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!

А зимних праздников блестящие тревоги?...

Но надо знать и честь; полгода снег да снег,

Ведь это наконец и жителю берлоги,

Медведю надоест. Нельзя же целый век

Кататься нам в санях с Армидами младыми,

Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Ох, лето красное! любил бы я тебя,

Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.

Ты, все душевные способности губя,

Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;

Лишь как бы напоить, да освежить себя —

Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,

И, проводив ее блинами и вином,

Поминки ей творим мороженым и льдом.

V.

Дни поздней осени бранят обыкновенно,

Но мне она мила, читатель дорогой,

Красою тихою, блистающей смиренно.

Так нелюбимое дитя в семье родной

К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,

Из годовых времен я рад лишь ей одной,

В ней много доброго; любовник не тщеславный,

Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI.

Как это объяснить? Мне нравится она,

Как, вероятно, вам чахоточная дева

Порою нравится. На смерть осуждена,

Бедняжка клонится без ропота, без гнева.

Улыбка на устах увянувших видна;

Могильной пропасти она не слышит зева;

Играет на лице еще багровый цвет.

Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII.

Унылая пора! очей очарованье!

Приятна мне твоя прощальная краса —

Люблю я пышное природы увяданье,

В багрец и в золото одетые леса,

В их сеньях ветра шум и свежее дыханье,

И мглой волнистою покрыты небеса,

И редкий солнца луч, и первые морозы,

И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII.

И с каждой осенью я расцветаю вновь;

Здоровью моему полезен русской холод;

К привычкам бытия вновь чувствую любовь:

Чредой слетает сон, чредой находит голод;

Легко и радостно играет в сердце кровь,

Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX.

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривую, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол, и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X.

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —

И тут ко мне идет незримый рой гостей,

Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI.

И мысли в голове волнуются в отваге,

И рифмы легкие навстречу им бегут,

И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,

Минута — и стихи свободно потекут.

Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,

Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут

Вверх, вниз ура — и паруса надулись, ветра полны;

Громада двинулась и рассекает волны.

XII.

Плывет. Куда ж нам плыть?....

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814-1941)

Пленный рыцарь

Молча сижусь под окошком темницы;

Синее небо отсюда мне видно:

В небе играют все вольные птицы;

Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Нет на устах моих грешной молитвы,

Нету ни песни во славу любезной:

Помню я только старинные битвы,

Меч мой тяжелый да панцирь железный.

В каменный панцирь я ныне закован,

Каменный шлем мою голову давит,

Щит мой от стрел и меча заколдован,

Конь мой бежит, и никто им не правит.

Быстрое время — мой конь неизменный,

Шлема забрало — решетка бойницы,

Каменный панцирь — высокие стены,

Щит мой — чугунные двери темницы.

Мчись же быстрее, летучее время!

Душно под новой броней мне стало!

Смерть, как приедем, подержит мне стремя;

Слезу и сдерну с лица я забрало.

Алексей Апухтин (1840-1893)

НОЧЬ

*К ****

Замолкли, путаясь, пустые звуки дня,
Один я наконец, все спит кругом меня;
Все будто замерло... Но я не сплю: мне больно
За день, в бездействии утраченный неволью.
От лампы бледный свет, бродящий по стенам,
Враждебным кажется испуганным очам;
Часы так глухо бьют, и с каждым их ударом
Я чую новый миг, прожитый мною даром.
И в грезах пламенных меж призраков иных
Я вижу образ твой, созданье дум моих;
Уж сердце чуткое бежит к нему пугливо...
Но он так холоден к печали молчаливой,
И так безрадостен, и так неуловим,
Что содрогаюсь я и трепещу пред ним...

Но утро близится... Тусклей огня мерцанье,
Тусклей в моей душе горят воспоминанья...
Хоть на мгновение обманчивый покой
Коснется вежд моих... А завтра, ангел мой,
Опять в часы труда, в часы дневного бденья,
Ты мне предстанешь вдруг, как грозное виденье.
Томясь, увижу я средь мелкой суеты
Осмеянную грусть, разбитые мечты
И чувство светлое, как небо в час рассвета,

Заглохшее впотьмах без слов и без ответа!..
И скучный день пройдет бесплодно... И опять
В мучительной тоске я буду ночи ждать,
Чтобы хоть язвами любви неутолимой
Я любоваться мог, один, никем не зримый...

20 октября 1856

Николай Некрасов (1821-1877)

Рыцарь на час

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава богу! морозная ночь -
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка.
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!

Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняют ожившую грудь;
Жаждой тела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесь песню свою запекает...

Я советую гнать ее прочь -
Будет время еще сосчитаться!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят среди полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины
Что как иней к земле прилегли, -
Всё отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающий сонные нивы,

Лес сквозит, весь усыпан листвою;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый -
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу; ворон тяжелый -
Видишь - дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном - золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов -
Всё доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна -
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, - я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шума
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! - и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит - бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведреном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,

Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен, - всё живет предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидеть я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла, - грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилась!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.

О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну - и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная, -
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебной светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клеветуют язвительней.
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,

Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на всё безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет -
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни - вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал - и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билось,
Что умел он любить...
.....

(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы -
Всё в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.

Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Всё, что в сердце кипело, боролось,
Всё луч бледного утра спугнул,
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
"Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило нас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано..."

1862

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865-1941)

Возвращение

Глядим, глядим все в ту же сторону,
За мшистый дол, за топкий лес.
Вослед прокаркавшему ворону,
На край темнеющих небес.
Давно ли ты, громада косная,
В освобождающей войне,
Как Божья туча громоносная,
Вставала в буре и в огне?
О, Русь! И вот опять закована,
И безглагольна, и пуста,
Какой ты чарой зачарована,
Каким проклятьем проклята?
И все ж тоска неодолимая
К тебе влечет: прими, прости.
Не ты ль одна у нас родимая?
Нам больше некуда идти,
Так, во грехе тобой зачатые,
Должны с тобою погибать
Мы, дети, матерью проклятые
И проклинаящие мать.

Марина Цветаева (1892-1941)

ВОКЗАЛЬНЫЙ СИЛУЭТ

Не знаю вас и не хочу
Терять, узнав, иллюзий звездных.
С таким лицом и в худших безднах
Бывают преданны лучу.

5 У всех, отмеченных судьбой,
Такие замкнутые лица.
Вы непрочтённая страница
И, нет, не станете рабой!

С таким лицом рабой? О, нет!
10 И здесь ошибки нет случайной.
Я знаю: многим будут тайной
Ваш взгляд и тонкий силуэт,

Волос тяжёлое кольцо
Из-под наброшенного шарфа
15 (Вам шла б гитара или арфа)
И ваше бледное лицо.

Я вас не знаю. Может быть
И вы как все любезно-средни...
Пусть так! Пусть это будут бредни!
20 Ведь только бредней можно жить!

Быть может, день недалеко,
Я всё пойму, что неприглядно...
Но ошибаться — так отрадно!

Но ошибиться — так легко!

25 Слегка за шарф держась рукой,
Там, где свистки гудят с тревогой,
Стояли вы загадкой строгой.
Я буду помнить вас — такой.

Севастополь. Пасха, 1909

Анна Ахматова (1889-1966)

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лени или от скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

Вознесенский Андрей (1933-2010)

Не возвращайтесь к былым возлюбленным

Не возвращайтесь к былым возлюбленным,
былых возлюбленных на свете нет.

Есть дубликаты —
как домик убранный,
где они жили немного лет.

Вас лаем встретит собачка белая,
и расположенные на холме
две рощи — правая, а позже левая —
повторят лай про себя, во мгле.

Два эха в рощах живут отдельные,
как будто в стереоколонках двух,
все, что ты сделала и что я сделаю,
они разносят по свету вслух.

А в доме эхо уронит чашку,
ложное эхо предложит чай,
ложное эхо оставит на ночь,
когда ей надо бы закричать:

«Не возвращайся ко мне, возлюбленный,
былых возлюбленных на свете нет,
две изумительные изюминки,
хоть и расправятся тебе в ответ...»

А завтра вечером, на поезд следуя,
вы в речку выбросите ключи,
и роща правая, и роща левая
вам вашим голосом прокричит:

«Не покидайте своих возлюбленных.
Былых возлюбленных на свете нет...»

Но вы не выслушаете совет.

Генрих Сапгир (1928-1999)

РОМАНТИЧЕСКИЕ СТИХИ ПО ПОВОДУ ОСЕНИ

Мокрый лист прилип
На рукав пальто
Как желтая звезда
Давида

Вот за что
И лишали всех прав
Вывозили на свалку
Давили вповалку

- Давай про другое
Не могу про другое
Интеллигенты все -
Изгой

Не скроешься
Не затаишься
Тебя узнают по разрезу глаз
И по тому
Что каждый твой ответ -
Вопрос

(За жалкой миною субъекта
Слепая маска интеллекта)
А потому
Носи свой характерный нос
Гордо
Как Герой Социалистического Труда
Носит свою золотую звезду

Тебя наверно презирают
Быть может завтра расстреляют

Но умирая где-нибудь в овраге
Хватая ртом горячую траву
Ты вывел формулу
Осеннего листа
Она проста...

Я говорю о том
Что осень бедна и богата
Говорю о том
Что бедные не любят богатых
О том
Что листья на ветвях
Еще висят
Что революция продлится
Лет тридцать
Или пятьдесят
А дальше ни черта не видно!
Надеюсь, это очевидно